

ГЛАВА 17. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

— Прошу прощения за беспокойство. Это Чэньша, Пятая Звезда моего союза. Он совсем не умеет пить, и я глубоко сожалею, что он испортил вам вечер. Позже я непременно накажу его.

Голос Цинь Фэна раздался над головами Лу Юйчэня и Фэн Яна. Оба мужчины — один всё ещё стоял, другой склонился над юношей — обернулись. Фраза «Пятая Звезда Циня» резанула слух обоим, но в памяти всплыло и другое... О каком наказании он только что говорил?

— Глава Цинь, пощадите его! — Лу Юйчэнь, бережно прижимая к себе мокрого до нитки Чэньша, первым подал голос.

Сердце у него болезненно сжалось при виде несчастного юноши. Ему хотелось не наказывать Чэньша, а собственноручно вышвырнуть этого бесчувственного Цинь Фэна в садовый пруд за одну только мысль о суровости.

Фэн Ян, чей взгляд в этот миг казался бездонным колодцем, коротко кивнул, вторя Лу Юйчэню:

— Не стоит. В такой праздничный день положено пить до дна. Не нужно винить его в излишнем рвении.

Казалось, император совершенно забыл, что весь алкоголь на приёме Чэньша пустил на своё «водяное шоу».

Цинь Фэн слегка удивился. Он всегда считал, что роль Чэньша — лишь рычаг давления на Фэн Яна, но чтобы и Лу Юйчэнь так быстро попался на крючок? Деловой ум главы союза мгновенно принялся просчитывать выгоды, которые сулила эта привязанность, но картина — Юйчэнь, баюкающий Чэньша на руках — вызвала у него укол чувства, которое никак не вписывалось в торговую стратегию. Ревность.

Цинь Фэн мельком глянул на Мянцзинь. Та сориентировалась мгновенно: тихим, властным голосом она уже раздавала указания слугам прибраться и подать свежий чай.

— Вы чрезвычайно великодушны, — Цинь Фэн изобразил вежливый поклон. — Позвольте мне отблагодарить вас от имени Чэньша. Молодой господин Чэнь, передайте юношу слугам, ему нужен отдых. Ваша одежда тоже промокла; я подготовил для вас сменное одеяние в стиле Цанъянь. Прошу, следуйте за провожатым.

Лу Юйчэнь понимал, что удерживать Чэньша дальше будет верхом неприличия. В конце концов, юноша принадлежал Цинь Фэну. Он нехотя передал свою ношу подошедшим слугам и, поблагодарив хозяина, ушёл переодеваться. Фэн Ян же, не удостоив уносимого Чэньша даже взглядом, с безупречной грацией вернулся на своё место, сохранив на лице маску

невозмутимости.

Мяньцинзнь и Лю Ин наконец смогли выдохнуть. Услышав, что высокие гости заступились за их товарища, они почувствовали, как ледяной ком в груди начал таять. Гости, среди которых не было дураков, проявили молчаливое единодушие: о случившемся больше не проронили ни слова. Вскоре зал был чисто вымыт, а внимание присутствующих вновь заняли музыканты и танцовщицы. По крайней мере, внешне всё выглядело именно так.

Прихлёбывая вино, Цинь Фэн предавался раздумьям. Чэньша, хоть и лишился памяти, оказался кладезем блестящих идей, вполне оправдывая свой титул Звездного Сияния. Отношение Фэн Яна ясно давало понять: император всё ещё равнодушен к юноше, но его интриги плелись слишком глубоко. Фэн Ян не из тех, кто пойдёт на убытки ради человека без прошлого. Что же до Лу Юйчэня... За его спиной стояла огромная сила, но сколько реальной власти было в его руках — вопрос открытый.

«Скоро начнётся Собрание Сотни Купцов, — размышлял Цинь Фэн. — Посмотрим, кто из них — Юйчэнь или Фэн Ян — предложит за Чэньша большую цену».

Если же сделка его не устроит... Что ж, Цинь Фэн всегда мог оставить Чэньша себе. Видеть перед собой такое сокровище каждый день и не иметь возможности к нему прикоснуться было сущим испытанием. До сих пор его сдерживала торговая этика: товар нельзя портить до продажи. Но если товар превратится в его личную, безраздельную собственность, тогда он сам будет решать, как им распорядиться.

До конца банкета Цинь Фэн пребывал в отличном расположении духа, чего нельзя было сказать о двух других мужчинах, погружённых в свои думы.

Чэньша был вдребезги пьян. Он не смог подняться даже к полудню следующего дня. Ссадины, оставшиеся после падения, Хуаньхуа залечила магией так искусно, что не осталось даже розовых следов, но самого Чэньша сейчас куда больше мучило похмелье и тяжёлый взгляд Мяньцинзнь. Ему хотелось провалиться сквозь землю или снова впасть в забытие.

— Господин Чэньша... глупый.

Эта фраза вырвалась у Е Чжэна, который тоже битый час сверлил юношу взглядом. Чэньша поглубже зарылся в одеяло. Услышать такое от наивного Е Чжэна было настоящим ударом по самолюбию. Сознание всё ещё плавало в тумане, и юноша, обиженно шмыгнув носом, усталился на Мяньцинзнь своими влажными, словно у побитого щенка, глазами, надеясь на сочувствие.

Мяньцинзнь же осталась сурова:

— Он прав.

У-у-у... Чэньша снова нырнул под одеяло.

Мяньцинзнь втайне находила это забавным. Чэньша, обычно державшийся как взрослый и рассудительный человек, после вина стал удивительно беззащитным. Было в этом некое извращённое удовольствие — поддразнивать его, когда он так остро реагировал на любое слово. Глядя на это «белое облачко», ей больше всего на свете хотелось потрепать его по щекам.

— Господин, выпейте ещё немного целебного отвара, — в комнату вошла Хуаньхуа с дымящейся чашей.

Чэньша, собрав остатки воли, сел и, зажмурившись, в несколько глотков осушил горькое снадобье. Облегчённо выдохнув, он снова рухнул на подушки и отвернулся к стене, демонстрируя обиду своим «мучителям».

Мяньцинзнь, чьё раздражение окончательно улетучилось, подошла к кровати и заботливо подоткнула одеяло. Погладив его по голове, она мягко произнесла:

— Ладно, отдыхай. Раз не умеешь пить — не берись. Ты хоть понимаешь, на каком краю вчера стоял? Оскорби ты Его Величество Фэн Яна, и десяти голов не хватило бы, чтобы расплатиться. У него длинные руки. Спи, набирайся сил. У главы союза на тебя большие планы, не заставляй его ждать.

Вскоре Е Чжэн и Мяньцинзнь ушли. Чэньша лежал в тишине, чувствуя, как головная боль понемногу отступает. Он не помнил, что натворил вчера, в памяти остался лишь липкий, всепоглощающий шлейф тоски. Он знал одно: Фэй — прежний хозяин этого тела — прошлой ночью окончательно истаял, отдав остатки своего сознания миру. Внутри Чэньша осталась только пустота и горькие слёзы, которые он не мог сдержать.

Не успел он снова погрузиться в депрессию, как почувствовал на себе тяжесть. Воздух в лёгких закончился, и, с трудом выбравшись из-под одеяла, Чэньша обнаружил, что кто-то вцепился мёртвой хваткой в его воротник.

Из района его груди доносились приглушённые рыдания. Оказалось, это Люк — юноша крепко сжимал ткань одежды Чэньша, не желая поднимать лица.

— Люк?.. — Чэньша с трудом высвободил руку и погладил его по спине. — Ну всё, всё, не плачь. Ты тяжёлый... Поднимись, расскажи, что стряслось.

Люк, казалось, вознамерился лежать так до скончания веков, лишь немного сместившись в сторону, чтобы не раздавить друга, но воротник так и не выпустил.

— Люк?

— Чэньша... — всхлипы переросли в отчаянный вой. — Накорми меня чесноком! Заколи серебряным кинжалом! Окропи святой водой, привяжи к кресту и сожги заживо! У-у-у-а-а!

Чэньша вздрогнул. Чтобы этот изнеженный «священный зверь» заговорил о таком самоистязании? Что же могло произойти? Забыв о собственной печали, он сел в кровати, приобнял Люка за плечи и принялся успокаивать:

— Тише, тише... Всё хорошо. Пожалуйста, не плачь. Просто скажи, что случилось.

Но в ответ последовал лишь ещё более громкий вопль.

Чэньша оставалось только ждать, пока Люк выплачется, окончательно промочив его нижнюю рубашку слезами и, заодно, вытерев об неё нос. Сейчас лицо Люка — с покрасневшими глазами и опухшим носом — напоминало спелый томат.

Сдерживая невольную улыбку, Чэньша стянул мокрую рубашку, бросил её на пол и набросил на плечи халат. Глядя на всё ещё вздрагивающего Люка, он решил сменить тактику:

— Ты сам расскажешь или мне применить силу? Я ведь могу и «выбить» из тебя правду.

Стоило ему сжать плечи Люка, как тот издал тихий стон боли. Чэньша удивлённо отстранился. Сменив ракурс, он заметил на шее юноши яркие багровые пятна — засосы. Сердце ёкнуло. Чэньша осторожно коснулся его поясицы, и Люк болезненно вздрогнул.

Как человек с немалым жизненным багажом, Чэньша мгновенно всё понял. Слова застряли в горле:

— Это... это кто же тебя так?

Шмыгая носом, Люк принялся прерывисто излагать свою печальную повесть.

В ту ночь, когда Чэньша отравили, Люк, движимый лучшими побуждениями, хотел помочь. Он попытался использовать магию иллюзий на кошке, которая бегала по поместью Цинь, чтобы выведать информацию, но из-за неопытности только усугубил состояние Чэньша. Видя страдания друга и чувствуя вину, Люк впал в такое уныние, что напрочь забыл о еде.

К прошлой ночи голод стал невыносимым. Глаза его уже горели зелёным огнём, сознание мутилось. Он летал по поместью в облике летучей мыши, ведомый лишь одним инстинктом: кровь!

В ночной тьме он наткнулся на человека — прямо на его шею. Кожа пахла вином и терпкими благовониями. В полубезумном состоянии Люк принял человеческий облик и, прильнув к горлу незнакомца, начал жадно пить.

Тот был слегка пьян и от неожиданности не сразу оказал сопротивление. Но Люк от голода хватил лишнего, и незнакомец, несмотря на головокружение, пришёл в себя. Он оторвал Люка от своей шеи, а после короткого, странного разговора заподозрил неладное. Применяв поисковую магию, он понял, что перед ним не человек, и использовал какую-то тёмную технику. Когда Люк снова пришёл в себя, он обнаружил, что этот негодяй до мозга костей уже раздел его и прижал к кровати...

Чэньша не знал истинной мощи Люка, но понимал: тот, кто смог полностью подавить высшего вампира, был кем угодно, но не простаком.

— Ты знаешь, кто это был? — спросил Чэньша, крепко обнимая друга.

— Его зовут Шэнь Пяньхун... Он сказал, что он из Сяогуана... — Люк побледнел, не в силах продолжать.

Чэньша заметил на левой мочке Люка крохотную серьгу, которая едва заметно мерцала золотистым светом. Стоило Люку замолчать, как сияние гасло.

— Видишь? — Люк со лбом, покрытым испариной, прижался к груди Чэньша. — Он силой надел на меня это. Теперь я не могу сделать ничего против его воли. С этого дня я могу пить только его кровь. Это Контракт. Моя жизнь теперь зависит от него.

Голос Люка сорвался на хрип:

— Теперь он мой... господин.

«Господин?» Неужели эта серьга превратила Люка в марионетку Шэнь Пяньхуна? Чэньша осторожно коснулся украшения, и его пальцы прошила острая боль, словно от укола иглы. Он встряхнул онемевшей кистью, спрятал руку в длинный рукав и попробовал снова. В этот раз боль рванула вверх по всей руке до самого плеча, заставив его вскрикнуть.

Он хотел было потянуться за бамбуковой флейтой, чтобы использовать её как магический проводник, но Люк остановил его горькой усмешкой:

— Бесполезно. Он слишком силён в магии. Боюсь, даже Старшее Звездное Сияние не справится с ним. Я пришёл попрощаться... Отныне я должен следовать за ним. Пока я ему не надоем и он не разорвёт связь... или пока один из нас не умрёт.

— Зачем ему контролировать тебя? Он знает, кто ты на самом деле? — Чэньша сжал руки

Люка, не желая отпускать его.

— Потому что я не человек. Ему нужны мои способности: я читаю мысли животных, могу летать... Я для него ценный инструмент. — Голос Люка снова задрожал. — Но я не хочу быть его рабом!

Чэньша с силой прижал юношу к себе:

— Послушай, пока Собрание Сотни Купцов не закончилось, они не уедут из Цанъяня. Я что-нибудь придумаю. Я обязательно вытащу тебя, обещаю!

Сердце Чэньша разрывалось от боли при мысли о разлуке с единственным родственным существом в этом мире.

— Береги себя... Люк...

Люк в последний раз обнял друга.

— Спасибо тебе. Я буду бороться. Теперь я его «контрактный зверь». Он не знает о нашей связи, так что при встрече мы должны делать вид, что незнакомы... Прощай.

Обернувшись маленькой летучей мышью, Люк напоследок сделал два круга над головой Чэньша и выпорхнул в окно. Улетая, он видел, как Чэньша стоит у подоконника, провожая его взглядом. Подавив обиду, Люк взмахнул крыльями и скрылся за стеной сада.

Двор Рассветного Света, где остановились Лу Юйчэнь и Шэнь Пяньхун, находился совсем рядом. Это была одна из самых роскошных построек поместья Цинь, через которую протекал искусственный ручей. Именно здесь прошлой ночью Шэнь Пяньхун лишил Люка чести, и потому этот живописный уголок вызывал у вампира лишь ярое отвращение.

Заметив чистую воду, Люк камнем рухнул вниз и прямо в ручье принял человеческий облик. Температура тела вампира была ниже человеческой, поэтому весенняя вода казалась ему почти тёплой. Став «мокрой мышью», Люк сел на дно, упираясь руками в гладкую гальку, и сердито тряхнул головой. Брызги разлетелись во все стороны, намочив подол шёлковых одежд человека, стоявшего на берегу.

Люк гневно вскинул голову и встретился взглядом с Шэнь Пяньхуном. Тот смотрел на него с извечной полуулыбкой.

— Летучая мышь-утопленница... — протянул Шэнь Пяньхун, заложив руки за спину. — Впервые

вижу такое зрелище.

— Я вампир!

— И таких очаровательных водяных я тоже ещё не встречал.

Люк вскочил и бросился на него, но в миг атаки тело внезапно обмякло. Шэнь Пяньхун с улыбкой подхватил ослабевшего юношу, прижал к себе и интимно шепнул на ухо:

— Не знал, что ты так жаждешь продолжения. Но не рановато ли? Вечером я обещал главе Цинь зайти в Башню Попирающую Луну на пару кубков вина, так что сейчас мы не можем...

— И не мечтай! — в ярости перебил его Люк, тщетно пытаясь вырваться. — Единственное, чего я хочу — чтобы ты уничтожил этот проклятый контракт!

Шэнь Пяньхуна это ничуть не задело. Пока действовала печать, Люк физически не мог причинить ему вред. Видя, что юноша дрожит от холода и его одежда промокла, Шэнь Пяньхун, не обращая внимания на протесты, отнёс его в дом.

Случайная встреча с этим нечеловеческим существом прошлой ночью позволила ему наконец пустить в ход золотую серьгу — артефакт, который он хранил очень долго. Теперь этот мальчишка — его частная собственность. Мало того что он владеет иллюзиями, так ещё и способен на идеальный шпионаж. К тому же, его неопытность и яростное сопротивление в постели оказались на редкость притягательными. Такую «домашнюю зверушку» стоило беречь.

Уложив Люка на кровать, Шэнь Пяньхун начал стаскивать с себя мокрое одеяние. Подняв взгляд, он увидел, что Люк, закусив губу, смотрит на него с нескрываемой ненавистью. Шэнь Пяньхун усмехнулся и, открыв шкаф, указал на стопки одежд:

— Переодевайся, не хватало ещё, чтобы ты простудился. И ложись спать. Посмотри на свои синяки под глазами. Днём тебе лучше не бродить по поместью, я сам найду тебя, когда ты понадобишься.

Люк промолчал, продолжая сверлить его взглядом. Шэнь Пяньхун, не обращая на это внимания, надел чистый наряд и, лениво поигрывая веером, вышел за дверь — до вечера было ещё полно времени, и он намеревался прогуляться по столице Цанъяня.

Едва дверь закрылась, Люк сбросил мокрые тряпки, натянул первый попавшийся халат из шкафа и забился в самый дальний угол кровати. Несмотря на яркое солнце за окном, Люк уткнулся лицом в тень, сжал простыню и, не в силах больше бороться с усталостью, провалился в тяжёлый сон.

<http://bllate.org/book/17524/1695273>